

Артур Светличный

Ловец креветок

Современная проза

Киев
2021

УДК 821.161
С243

Светличный А.

С243 Ловец креветок : современная проза. – Киев :
Издательство Лира-К, 2021. – 244 с.
ISBN 978-617-520-034-6

В новый сборник Артура Светличного вошли две повести и шесть рассказов. «Муравей» – это повесть-антиутопия, аллегория на тоталитарный режим, в которой внимательный читатель между строк сможет найти нечто знакомое и наболевшее. Повесть «Остров» – это дневник человека, приговоренного к смертной казни на острове в Карибском море. Повесть заставляет читателя задуматься о целесообразности смертной казни, посмотреть на жизнь глазами человека, у которого должны отнять жизнь. И шесть трогательных рассказов о жизни и смерти, любви и дружбе.

УДК 821.161

ISBN 978-617-520-034-6

© Светличный А., 2021
© Издательство Лира-К, 2021

ОСТРОВ

Жизненный опыт дает нам радость только тогда, когда мы можем передать его другим.

Андре Моруа

Все эти красивые сентенции о жизни хороши только на бумаге. На самом же деле она, жизнь, намного прозаичнее и тривиальнее. Но бывают и исключения...

Кофеварка уже давно отшипела и откряхтела, аромат свежесваренного кофе заполонил огромную кухню и мягким шлейфом разлетелся по всему дому. Из телевизора, висевшего под потолком, доносился приятный голос смазливой ведущей утренних новостей: «...наш соотечественник Леонид Таранов. Егор Кротов, министр иностранных дел, заявил, что не оставит этот вопиющий случай без должной реакции со стороны властей. Цитирую: «Правительство Сент-Китс и Невиса ответит за свои решения!» Министерство сельского хозяйства утверждает, что экспорт зерна в этом году на 16% превысил показатели минувшего года...».

Дмитрий выбежал из ванной комнаты и быстро схватил пульт, добавляя громкость. Он стоял посреди кухни неподвижно, обмотанный махровым полотенцем, держа в руках пульт и бритвенный станок. Пена для бритья белыми комьями падала на пол с его удивленного лица.

«Леонид Таранов. Леонид Таранов...», – бормотал он себе под нос. – Значит, это все правда».

Дмитрий Яковлевич Ильин, заместитель главного редактора издательского дома «Фитиль», амбициозный трудоголик, коммуникабельный и остроумный, с отличным чувством юмора и, как говорят, душа компании, был лучшим другом и одноклассником генерального директора вышеупомянутого издательства Алексея Семеновича Гольдмана. Эти два господина имели привычку распивать великолепный бразильский кофе перед трудовым днем в кабинете Алексея Семеновича. И это утро не стало исключением.

– Как ты можешь поганить вкус этого прекрасного кофе молоком? Еще и три ложки сахара в него бросаешь.

– Ну не могу я пить его, как ты. У меня потом целый час приторная горечь во рту после него.

– Эх, Дима, Дима... Ну, это еще пол беды, но, как ты, двадцатиоднолетний «Балантайнс» кока-колой разбавлял, этого я тебе простить не смогу.

– Ой, Леша, не начинай! Я тогда уже еле на ногах стоял. В тот момент я бы уже и «Кристалл» от боржоми не отличил. Послушай, лучше вот о чем: есть у меня одна интересная рукопись, барышня недавно принесла в издательство. Она утверждала, что я обязан ее опубликовать. Сейчас я тебе ее прочитаю...

– Э, нет, Дмитрий. Вы же писатель, ваша первая книга скоро увидит свет. Так что давайте, начните как писатель.

– Ну ладно, сейчас попробуем. Эта рукопись попала ко мне в редакцию от некой госпожи Алины К. и долго пылилась на полке среди множества других «шедевров» многочисленных графоманов, перманентно посещавших офис моего издательства. Уважаемая Али-

на К. вкратце рассказала мне содержание и утверждала, что эта рукопись – ничто иное, как душевные излияния ее возлюбленного, и она, эта рукопись, несомненно, должна выйти в свет. Естественно, я усомнился в ее патетичных убеждениях и отложил рукопись до «худших времен». Не знаю, сколько бы еще пролежала эта писанина на полке, покрываясь растущим день ото дня слоем пыли, если бы сегодня по телевизору я не увидел один сюжет, в котором рассказывалось о судьбе одного молодого человека, отдохавшего на острове Сент-Китс и Невис. Этот сюжет разрушил мои сомнения относительно подлинности рукописи...

Утро. Для кого-то это самое ужасное время дня. Когда нужно вставать на работу, когда мерзкий звон будильника прерывает дивный и чудесный сон, но для меня это утро было отличным. Лучики зимнего солнца пробивались сквозь занавески на окнах, я чудесно спал, мне снился какой-то непонятный сон, в нем я путешествовал по тропически лесам. Никаких будильников. Я проснулся потому, что выспался, да и на работу идти не нужно, уже как неделю я безработный, в мою контору нагрянуло сокращение, и за очень неплохой бонус меня попросили уйти. На эти деньги я мог бы прилично существовать в течение шести месяцев, что я и собирался сделать, если бы не одна роковая встреча, но об этом позже.

На сегодня я придумал себе занятие: хочу съездить в свой родной город, навестить мать и сестру. Я давно уже перебрался в мегаполис, снимаю квартиру в центре, а сестра с матерью живут в пригороде. Там я провел детство, там я ходил в школу, там остались мои юношеские друзья. Он находится не так уж далеко от моего нынешнего места обитания, примерно два часа езды на

поезде, но домой, к маме, я езжу очень редко. Жизнь в городе настолько меня окутала, что нет ни времени, да и особого желания ехать в эти тущобы. Мать на пенсии, но она подрабатывает: вяжет на заказ всякие кофты, носки, детские костюмы, у нее воистину золотые руки, и в каждый мой приезд она презентует мне какую-нибудь вещицу, связанную ею собственноручно. Сестра же развелась со своим мужем, который как стало известно, закладывал за воротник и поднимал на нее руку, и переехала к маме. Детей у них не было, так что она просто собрала свои сумки и оставила ключи от его квартиры на столе. На их свадьбе мне ее суженый показался вполне приличным и добрым малым. Я, кстати, тогда переспал с его двоюродной сестрой и после этого вообще полюбил их семью.

Выпив чашечку утреннего кофе, я покормил своих рыбок на пару дней вперед и вышел на улицу.

Это было чудесное февральское утро: солнце блестело на снегу миллиардами маленьких огоньков, снег сверкал так, словно кто-то очень богатый усыпал его бриллиантовой крошкой. Мороз укутал прохожих в теплые шапки, шарфы и перчатки, снег хрустел под ногами, как кукурузные хлопья, в такое утро хочется улыбаться. Машины колесами месят грязь на дороге, все куда-то спешат, в этом городе всегда бурлит жизнь, зимой и летом, ночью и днем, тут свой ритм жизни. И мне он нравится, поэтому я и перебрался сюда, подальше от спокойной и размеренной жизни в пригороде. Пройдя полкилометра сквозь всю эту суматоху, я спускаюсь в метро, ещё большую суматоху. В подземелье, как мне кажется, ритм жизни еще более быстрый чем на поверхности земли, тут нельзя останавливаться. Метро мне напоминает семенную жидкость, рассматриваемую под

микроскопом: хаотическое движение этих жующих, читающих, слушающих музыку, разговаривающих по телефону «сперматозоидов» волей-неволей заставляет провести такую аналогию.

Проехав несколько остановок, я вышел на станции, находящейся возле железнодорожного вокзала. В кассе купил билет у отвратительной кассирша, лет сорока пяти. По ее поведению и манере общаться было видно, что она тут работает уже очень долго, и это ей порядком надоело, она ненавидит всех, кто обращается к ней сквозь маленькое окошко в стекле, и, будь ее воля, она бы достала автомат и через это окошко расстреляла бы всех посетителей вокзала. До отправления поезда оставалось еще полчаса, за это время я выпил чашечку кофе и купил себе журнал в дорогу.

Заняв свое место возле окна, я развернул журнал, купленный на вокзале, и углубился в чтение. Там была занимательная статья про самых долгоживущих существ на земле. Про черепаха, которые доживают до двухсот лет, моллюсков, живущих по пятьсот лет, деревья, которые погибают спустя пять тысяч лет, но больше всего меня заинтересовала медуза, которая, как утверждают ученые, бессмертна. Эта медуза начинает жизнь как неподвижный полип, потом превращается в медузу, и когда ей грозит смерть от болезни или от старости, она обратно возвращается в стадию полипа и отпочковывает от себя новых клонов, то есть, по сути, она бессмертна. Вот если бы человек имел такую же способность, дожив до восьмидесяти лет возвращаться в стадию ребёнка или подростка, при этом сохраняя все знания, накопленные за восемьдесят лет, и так снова и снова, до бесконечности. Наверное, рано или поздно, нам попросту надоело бы, надоело жить. Ведь жизнь тем и прекрасна, что она конечна, что в любой

момент ты можешь умереть, любой вздох может оказаться последним, и ты ценишь жизнь, ценишь каждый вздох. Зная, что смерть нам не грозит, мы бы иначе смотрели на мир и иначе относились бы к жизни. А если представить, что у тебя и выбора-то нет, что ты обречен жить вечно. Как написано в библии: «Жить вечно в раю». Но как осознать, что ты будешь существовать вечно, года, столетия, тысячелетия, пусть даже в самом дивном месте, в раю. Думаю, спустя пару тысяч лет все прелести рая тебе наскучат и будут вызывать отвращение.

Люблю ездить в поездах: этот однообразный монотонный стук колёс умиротворяет, под аккомпанемент этого стука прекрасно думается. Если бы не наш суровый климат, то ехал бы себе паровозик тихо и практически беззвучно. Дело в том, что в нашей стране рельсы нельзя класть вплотную друг к другу, так как зимой металл будет сужаться, а летом расширяться. Так что, когда колесная пара поезда попадает в эти зазоры между рельсами и образует этот, любимый большинством пассажиров, стук.

Вскоре журнал мне наскучил, я включил MP3, надел наушники и уткнулся лицом в окно. Мимо меня пролетали однообразные пейзажи, поля, усыпанные снегом, сёла, домики с белыми крышами, станции с людьми. Моё внимание привлекла маленькая деревушка. Умопившись между двумя холмами, она была, как оазис в безлюдной белой пустыне. Там было от силы десять домов, и один из них стоял на отшибе, причём на приличном расстоянии от других домов. Я представил, что это мой дом, что я там живу, в этой деревне, где нет ни супермаркетов, ни кинотеатров, нет проспектов, кишущих автомобилями, вокруг только поля и леса, вокруг пустота, и эта пустота сейчас поселилась внутри меня.

Глядя на этот дом, на этот унылый пейзаж, я почувствовал пустоту, отрешенность, скуку. Вот слово, которое охарактеризовывает это место – скука. Мне кажется, я бы не смог так жить, я настолько привык к суете мегаполиса, что в этом месте я просто сошёл бы с ума. Я даже представить себя не могу сельским жителем, встающим в шесть утра чтобы подоить корову и покормить кроликов. Нет, эта жизнь не по мне! Я люблю город, люблю движение, люблю асфальт и гул транспорта, люблю кинотеатры и клубы, хотя старость, конец своей жизни, наверное, я бы предпочёл провести в тихом и уютном домике где-нибудь за городом, но обязательно с кабельным и интернетом, тут уж извольте, без этого никак.

Спустя полтора часа пейзажи за окном становятся все более знакомыми, я подъезжаю к своему городу. И чем ближе я подъезжаю, тем ближе и роднее вид за окном. Вот поезд переезжает по мосту через небольшую речушку, в которой я маленький купался и ловил рыбу. За все эти годы тут практически ничего не изменилось: у воды сгорбилась ива, к веткам которой мы привязывали веревки и прыгали с них в воду, тропинки всё так же, как и двадцать лет назад, вьются вдоль реки. Как долго для меня тянулись эти двадцать лет, как они изменили меня и мою жизнь, и что такое двадцать лет для реки...миг, просто миг.

Скрип тормозов, шипение дверей, и вот я уже стою на перроне. От вокзала до моего дома не так далеко, и я решил пройти пешком. Ностальгия – вот, что я сейчас чувствую, проходя по улочкам, которые помнят моё детство и юность. Старый театр, школа, памятник Пушкину, парикмахерская, магазин – всё такое родное, все вызывает какие-то воспоминания, хорошие и плохие, веселые и грустные, но все они заставляют меня улыбаться.

Мое внимание привлекает новое заведение, кофейня, расположенная на первом этаже пятиэтажного здания, в котором жил (а может и до сих пор живет) мой одноклассник Давид Гофман, у него еще была миленькая младшая сестрѐнка. Помню, когда мы в детстве собирались с друзьями у Давида дома, она почти всегда сидела за столом в своей комнате и училась. Я решил зайти посмотреть новую кофейню, да и от чашечки вкусного горячего капучино я бы сейчас не отказался.

Это было уютное маленькое заведение с мягкими диванами и интерьером, похожим на библиотеку. Полки с книгами подпирали практически все стены, на столах тоже лежали стопки книг, и в воздухе витал чудесный аромат свежесваренного кофе. Зал был практически пуст, только одна молодая парочка сидела возле окна.

Я присел на диване в углу зала, взял первую попавшуюся книгу со стола и начал читать: «Леону Верту. Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый – мой самый лучший друг. И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении...». Вы конечно же узнали, что это за книга. Довольно необычно, что как раз тогда, когда на меня нахлынули детские воспоминания, из всех книг в этом зале я взял именно эту. Про маленького любопытного мальчика, с крошечной планеты В-612.

И только я, с улыбкой на лице, погрузился в чтение, как ко мне подошла официантка. Это была молоденькая девушка, с милым и добрым лицом, черными, как смоль, волосами и ослепительными карими глазами; она была

очень красива. Что-то мне в ней показалось знакомым, как будто я ее уже когда-то видел.

Я заказал чашку кофе с чизкейком и погрузился в чтение. Через минуту на весь зал раздался чей-то звонкий голос:

– Не может быть! Неужели сам Таранов пожаловал в нашу Богом забытую кофейню!

Я поднял глаза, за барной стойкой стоял Давид Гофман, с ехидной улыбкой, искажающей его практически не изменившееся за годы лицо. Он, раскинув руки, стремительно направился ко мне. Мы обнялись словно старые боевые товарищи, пережившие вместе не одно сражение. Но не буду лукавить: я действительно был рад его видеть. Мы уселись за стол, и Давид командирским голосом крикнул официантке: «Алина, какое к черту кофе! Принеси из моего кабинета бутылку коньяку: будем праздновать, сам Таранов решил нас навестить!»

Тогда я понял, почему официантка показалась мне такой знакомой: это была та самая, маленькая, прилежная Алина, сестра Давида. Только это уже была не крошечная застенчивая девочка, всегда сгорбленная над учебниками, а красивая девушка. Но кое-что так и не изменилось: ее милая улыбка и книги, она так же окружена книгами.

Спустя несколько минут пришла Алина с разносом в руках, на котором был фарфоровый чайничек, две чашки и блюдце с дольками лимона. Она поставила все это на стол и сказала: «Вы же не будете хлестать коньяк в кофейне, у нас приличное заведение!» и, подмигнув нам, ушла к столику, за которым сидела влюбленная парочка.

Я догадался, что Алина перелила коньяк в чайничек. Давид с важным лицом наполнил чашки и подметил, что это прекрасный французский чай десятилетней выдержки.

Попивая коньяк, мы долго общались. Давид рассказал мне, что он, как и я, уехал из нашего маленького городка в мегаполис, перепробовал уйму профессий, от разносчика пиццы до управляющего рестораном. А Алина жила тут, с матерью, и училась в техникуме. Но год назад случилось несчастье, мать умерла, ее насмерть сбила машина, когда она вечером возвращалась домой с работы. Машину, как и водителя, так и не нашли. А так как их отец умер, когда Давид учился во втором классе (я хорошо помню это, мы еще собирали деньги на похороны всем классом), он уволился со своей престижной работы и вернулся назад, в наш городок, чтобы ухаживать за пятнадцатилетней Алиной.

На скопленные деньги он выкупил помещение старого магазина и открыл в нем кофейню. Алина помогала ему по хозяйству, параллельно учась в техникуме. Получив диплом, Алина не захотела ехать в большой город и поступать в ВУЗ, а осталась тут, управлять кофейней с Давидом. По его словам, дела идут неплохо, хватает на жизнь и на отдых. И они уже почти накопили нужную сумму для покупки отдельной квартиры для Алины, так как они втроем, Алина, Давид и Диана (девушка Давида), живут в двухкомнатной "хрущевке". Алина чувствует себя «третьей лишней» и хочет жить отдельно, начать самостоятельную жизнь.

Мы долго разговаривали, всё-таки не виделись много лет. Я рассказал ему про свою жизнь в городе, что я лишился работы, что сейчас собираюсь отдохнуть. Всё это время Алина обслуживала посетителей и лишь изредка посматривала на меня. Ее плавные движения, тонкая осиная талия и черные волосы завораживали меня. А этот взгляд, изредка и небрежно брошенный на меня,